

УДК 130.2

Донникова Ирина**ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА:
ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ**

Способность человека создавать культуру анализируется как поиск самоидентичности. Культура предоставляет человеку возможность многовариантной идентификации, удерживая его от утраты собственно «человеческого». Создавая культуру, полисущностный человек становится самоуправляемой системой, способной воссоздавать самоидентичность через экзистенциальный выбор между культурой и антикультурой.

Ключевые слова: полисущностный человек, культура, идентификация, самоидентичность.

Доннікова І.**ЛЮДИНА І КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМА ІДЕНТИЧНОСТІ**

Здатність людини створювати культуру аналізується як пошук самоідентичності. Культура надає людині можливість багатоваріантної ідентифікації, утримуючи її від втрати власне «людського». Створюючи культуру, полісущнісна людина стає самокерованою системою, здатною відтворювати самоідентичність через екзистенційний вибір між культурою і антикультурою.

Ключові слова: полісущнісна людина, культура, ідентифікація, самоідентичність.

Donnikova I.**THE HUMAN AND CULTURE: PROBLEM OF IDENTITY.**

Human's ability to create a culture is analyzed as search of self-identity. Culture gives a human the opportunity of multivariate identification, keeping him from the loss of properly «human». Creating a culture, poly-essential human becomes a self-governing system, which can recreate the self-identity by existential choice between culture and anti-culture.

Keywords: poly-essential human, culture, identification, self-identity.

Стремительное изменение социокультурной реальности ставит человека перед необходимостью не только поиска идентичности в создаваемом им культурном разнообразии, но и переосмысления своего понимания культуры. Осваивая многомерность культуры, человек оказывается перед опасностью «размывания» самоидентичности, а культура утрачивает для него четкие смысловые контуры. В тоже время, саму способность человека создавать культуру можно рассматривать как поиск и обретение им идентичности, что определяет этот поиск в качестве главной смысло-жизненной проблемы, а культуру позволяет отождествлять с самоидентификацией.

Обретение или утрата человеком собственной идентичности для культуры оборачивается тем же – она либо получает возможность развития, либо вырождается, утрачивает самоидентичность, разрушается. Проблема заключается в сложности, неоднозначности их взаимодействия, в непрогнозируемости результата, как для человека, так и для культуры. Однако, на наш взгляд, именно культура предоставляет человеку возможность многовариантного поиска идентичности, удерживая его при этом от утраты собственно «человеческого».

В понимании идентичности мы будем опираться на определение В. Л. Абушенко: «Соотнесенность чего-либо («имеющего бытие») с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в этом качестве («наблюдателем»), рассказывающим «себе» и «другим» о ней с целью подтверждения ее саморавности) [1, с. 382]. Такое понимание дает возможность анализировать идентичность в онтологическом аспекте, а именно, выявляя самоидентичность человека и культуры через культуромерность бытия человека и человекомерность бытия культуры.

Ответить на вопросы, какому себе должен быть тождественен человек, и какой человек идентичен культуре, невозможно без обращения к философско-антропологическим размышлениям о сущности и существовании человека. В своей монографии-завещании «Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках «неевклідової рефлексивності» В. Г. Табачковский выделяет пять основных этапов в осмыслении проблемы сущности человека. Первый этап связан с поиском «первосущности» человека, т. е. некой неизменной субстанции, которая бы давала ключ к пониманию человеческого существования. В. Г. Табачковский приводит более сорока определений человека, предложенных философией (Платон, Аристотель, Л. Фейербах, А. Шопенгауэр, Э. Кассирер,

А. Камю, Ж. Батай, Э. Финк и др.) и философичной литературой (Ф. Достоевский, Л. Украинка, М. Пруст, В. Набоков, Л. Гинзбург, И. Бродский и др.). Второй этап представлен осмыслением антиномий первосущности человека (Б. Паскаль, И. Кант, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, М. Шелер, Х. Плеснер, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Э. Морен и др.). Отказ от первосущности в пользу существования, предшествующего сущности, связывается с третьим этапом (Ж.-П. Сартр). Следующие два этапа демонстрируют выявление «отчужденной сущности» (марксизм) и отказ от сущности (эссенции) как вторичной по отношению к экзистенции (Ж.-Л. Нанси). Завершающий этап критического переосмысления представлений о первосущности представлен принципом «открытого вопроса» О. Больнова: размышления о сущности человека должны стать не субстантивными, а процедурными [2, с. 359].

Современная антропологическая рефлексия нацелена не на взаимоисключение эссенциалий, а на взаимодополняемость всех имеющихся и возможных сущностных определений человека. В. Г. Табачковский вводит концепт «полисущностности» – принципиальной несводимости сущности человека ни к одному из ее проявлений.

«Плюрализм разносущностей», который представляет собой человек, образует его уникальный «микрокосм», репрезентует свернутую человеческую потенциальность, содержащую всю полноту жизни, разновекторность самореализаций человека. Полисущностность становится той побудительной силой, которая определяет потребность человека в самоопределении, и в предельном выражении выявляется в поиске смысла жизни. Человек оказывается перед мучительной смысложизненной проблемой – «взаимосогласования сущности и существования» [3, с. 25]. Он «приговорен» к постоянному становлению, а значит – поиску идентичности, способов и форм самоутверждения, никогда не находя полного удовлетворения в найденном и обретенном.

Представления о так называемой «позитивной» сущности человека оформились, по словам В. Г. Табачковского, в его обобщенный образ: взрослое (но не старое), физически здоровое, деятельно-активное, характерологически одномерное (а значит, лишенное эндотимных оснований), этнокультурно нейтральное существо неопределенного (читай – мужского) пола [2, с. 340]. При этом разумность, к которой фактически были сведены все сущностные проявления человека, рассматривалась в качестве главного (если

не единственного) фактора, определяющего идентичность человека и культуры (культурно – то, что разумно).

На фоне бескомпромиссной критики позитивно-ценностного понимания человеческой сущности происходит пересмотр и всего ценностного строя культуры (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Г. Зиммель, З. Фрейд и др.). В противопоставлении жизни и культуры рождается идея ее ценностной амбивалентности, разрушающая идентичности человека и культуры. А. Шопенгауэр видит назначение культуры в религиозно-этическом преодолении мировой воли, однако культура с ее нравственным отрицанием жизни скорее репрессивна к человеческому бытию, поскольку требует от человека нравственного героизма – удела немногих. Отождествление культуры и морали, свойственное классической философской традиции, дает основания Ф. Ницше заявить о том, что рабство определяет сущность культуры. образу культуры как антиподу жизни он противопоставляет культуру, произрастающую из противоречий человеческой жизни, которая и есть жизнь, поскольку способна рождать новое. При этом и культура и человек возникают «некритично», из-за своей «нерациональной природы». Человек входит в мир «спиной вперед» и только потом бросает критический взгляд на свершенное, ему крайне необходимо «не знать, что он делает» [4, с. 95].

Путь к восстановлению идентичности человека и культуры прокладывает феноменология и экзистенциализм. Гуссерлевское понятие «феномен», означающее первичную данность, в которой предмет и осознание этого предмета образуют целое, постепенно отождествляется с понятием «жизненного мира», переносимого и на культуру. В экзистенциализме культура осмысливает истинное бытие человека, обретаемое им через нахождение смысла. В абсурдном мире (А. Камю) культура пробуждает человека, восстающего против абсурда жизни и через бунт обретающего свободу. Формируется ключевая для антропологии идея – отождествление культуры и смысла, культуры и понимания.

Как символический универсум трактует культуру Э. Кассирер. Ее составляющие – язык, миф, искусство, религия – это нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта, неотчужденной самореализации человека. Культурные формы рассматриваются им как «рядоположенные», каждая из которых есть воплощением особой символической функции, создающей свой «образ–мир».

Г.-Г. Гадамер приходит к выводу о том, что вовлеченность человека в культуру достигается через понимание, становится событием, в котором любой объект обретает уникальность и нетипичность. Вместе с тем, Гадамер указывает и на трагическое противоречие культуры: она есть постоянный самообман каждого, поскольку не в состоянии отменить смерть и, тем не менее, пребывает в полноте истины «для всех» [2, с. 395].

Новый вызов идентичности человека и культуры брошен постмодернизмом. Культура становится ризомной, децентрированной, динамичной, порождающей различия. Функционирование культуры в обществе не связано ни с одной определенной социальной структурой или отношением, она везде и всюду, плюральна и многомерна. Размывая контуры культуры, отказываясь от ее универсализирующей роли, более того, считая любые проявления универсализации «дискурсом власти», постмодернизм видит основную функцию культуры в генерации новых дискурсов и контекстов. Тем самым, любое индивидуальное образование наделяется ценностью постольку, поскольку рождает различие, оставляет след, симулякр. «Антропорелексивное содержание перевоплощений и симуляций заключается в том, что они воссоздают фундаментальное мировоззренческое искажение, которое Ж. Бодрийяр справедливо квалифицирует как стремление «отменить» причину и следствие, начало и конец – путем их дублирования» [2, с. 374].

Постмодернистский дискурс абсолютизировал такую эссенциально-экзистенциальную способность человека, как перевоплощаемость – иначе «о-сущноствление», замена одного эссенциала другим. В философской антропологии перевоплощаемость человека получает разнообразную интерпретацию: как динамика человеческого духа («три превращения духа» Ф. Ницше), «выпадение» человека из природы, «прорастание» в человеке природного и культурного, эксцентричность человеческой жизни, постоянный выход из центрированности вовне – за и по сторону мира (Э. Фромм, М. Шелер, Х. Плеснер и др.). Предельным проявлением сущностной перевоплощаемости человека является ситуация, когда существо, призванное создавать новые формы бытия, становится их разрушителем и нигилистом [3, с. 24–27]. Эта сущностная особенность человека определяется Э. Мореном как избыточность, постоянно грозящая перерождению человеческих потенций в стихию разрушения: «Можно увидеть, что для *sapiens*'а характерно отнюдь не уменьшение аффективности, а напротив, настоящее вулканиче-

ское извержение психоаффективности, даже попросту превышение меры: *ubriis*» [5, с. 104, 105].

Современная антропология «уравнивает» и достоинства и недостатки человека, его разумность и не-разумность, поскольку «прогресс сложности, изобретательности, разумности и социальной осуществляется и благодаря ошибкам, фантазиям, и заодно с ними, и вопреки им» [6, с. 54]. Человек превращается в существо с расфокусированной «точкой сборки», не сводимое к конкретным неизменным сущностям. Его онтологической характеристикой становится маргинальность как пространство сближения, взаимопроникновения, обоюдного дополнения его негативных и позитивных характеристик [4, с. 220, 226].

Что же в таком случае понимать под культурой, которая традиционно рассматривалась как выражение человеческой сущности? Быть может речь идет не только о кризисе человеческой идентичности, но и о кризисе идентичности культуры? На наш взгляд, проблема сущности человека выявила еще один важный момент – невозможность ее осмысления вне онтологии культуры. Так же, как невозможно рассуждать о культуре «за пределами» человеческого бытия, очевидно, любые попытки разорвать онтологическую связь человека и культуры оборачиваются неполнотой его идентификации в человеческом статусе. В антропокультурном бытии полисущностный человек идентифицирует себя со свободой и творчеством.

Набор социальных средств, которые создает и которыми пользуется человек для обеспечения собственного существования, не обязательно создается в культуре и культурой. Полисущностность человека выражается в способности к альтернативной самореализации, к разновекторному поиску идентичности, который может включать и векторы саморазрушения. В этой альтернативности культура представляет собой способ бытия, в котором через реализацию сущностных потенций человека возникают «человекосберегающие» основания, воспроизводимые в виде ценностных инвариантов, смысловых констант.

В человеческом бытии культура востребована и в своих инвариантных, универсальных формах, и во множестве культурных «миров», с которыми человек встречается в повседневности. Культура дает возможность человеку быть разным, не выходя при этом за границы культурного бытия, не пересекая «критический порог», разделяющий человеческое и античеловеческое. Человеческая жизнь из хаотического потока переводится культурой в «колеба-

ние, удерживающее равновесие благодаря непрерывному движению, порыву и направленности человека, активности и стандартам его действий» [6, с. 203].

Сущностная открытость человека миру, его готовность воспринимать мир не только с собственных позиций, а с учетом внутренних тенденций и «заинтересованности» самого мира, множественности тех голосов, которыми он обращается к человеку, делает жизнь полилогичной, многовекторной и смыслонаполняемой. Смыслами в таком случае становятся ответы на вопросы, которые человек задает себе и миру в процессе полилога с ним.

Презентуя в качестве духовного опыта человечества представления о допустимом и должном, об истинном и возвышенном, культура активизирует механизмы саморегуляции человека, выступая системой блокирования деструктивной человеческой активности на интеллектуальном, ментальном, эмоциональном, физическом уровнях. Осуществляя жизнь как бытие в культуре, человек становится самоуправляемой системой, способной воссоздавать самоидентичность через производство «антропологических переменных» (Элиас).

Предоставляя самореализующемуся человеку возможность выработать определенные модели отношений с миром, культура, тем не менее, не ограждает его от ошибок и кризисов. Сопровождающая историю культуры смена мировоззренческих приоритетов, определяющих стратегию отношений человека с миром, свидетельствует о том, что культура всегда оставляет человеку пространство для творчества и свободы. Сущностно связанная с человеком, она не может препятствовать его самореализации, и в этом плане требует человека во всей его многомерности и полисущностности.

Проблема заключается в том, что полисущностный человек не может быть тождественен только культуре. Его избыточная активность становится главным препятствием в поиске идентичности. Человекомерность культуры, к сожалению, не обуславливает культуromoмерности человека. Его полисущностность предполагает многомерность, которая соотносится и с антикультурой, и в этом, видимо, также есть проявление человеческой свободы. Свобода – это скорее демонстрация человеком его онтологической автономии (в том числе и по отношению к культуре). Именно поэтому любые попытки установить границы свободы (даже путем самоограничения) приводят к ее отрицанию.

Сущностно связанная с творчеством и свободой, культура, по замечанию С. Б. Крымского, всегда была и остается ареной споров относительно того, что относится к ее достижениям, а что не заслуживает легитимизации. Действительно, творчество всегда разрушает границы привычного комфорта, в нем обнажается человеческая экзистенция – бездонная, неисчерпаемая, меоничная, раскрывающая самого субъекта как тайну и соединяющая его с безграничностью природы. В творчестве «бесконечность становится ближайшим соседом человеческой экзистенции» [7, с. 42]. Тем не менее, являясь глубоко личностным процессом, творчество есть способ идентификации человека в культуре через приращение ее ценностно-смыслового содержания. Творчество созидательно, причем созидательность его детерминирована культурой и обнаруживает себя в культуре.

Культура всегда функционирует в окружении паракультуры и антикультуры, «и только история провозглашает вердикт относительно того, что принадлежит настоящим культурным достижениям, а что – нет, поскольку разделение здесь является динамичным, ведь сама культура воссоздает исторический опыт и является выражением духа истории... Стихия человеческого и стихия культуры смешиваются в историческом опыте общественного развития. Все то, что характеризует человека, является свидетельством истории, и все то, что конституируется в культуре, выражает в ценностном аспекте опыт этой истории» [7, с. 68–69].

Отбор принадлежащего собственного культурному в конечном итоге осуществляется историей. Но возможность осуществиться для самой истории сопряжена с культурой, которая создается живущим «сегодня и сейчас» человеком, самоопределяющимся в актуальном культурном пространстве. Избыточно самореализующемуся человеку культура предлагает ценностно апробированное, структурированное смысловое пространство, в котором человек «здесь-и-теперь» осуществляет собственную ценностную самоидентификацию, выявляет «человеческое в себе» через сопоставление с «человеческим-в-другом» в повседневности и «общечеловеческим» в истории.

Культура не только создает условия для творчества и реализации свободы, но и «удерживает» человека в своем ценностно-смысловом поле, в котором вопрос об идентичности человека становится вопросом его экзистенциального выбора между культурой и антикультурой. Необходимость самоидентификации «приговарива-

ет» человека к культуре, поскольку только в ней он обнаруживает пути саморазвития и саморазрушения, объединяя вопросы: «Кто есть Я?» и «Что есть культура?».

Литература:

1. Абушенко В. Л. Идентичность / В. Л. Абушенко // Всемирная энциклопедия. Философия / гл. ред. А. А. Грицанов. – М.- Мн.: Харвест, 2001. – 1312 с.

2. Табачковський В. Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках «неевклідової рефлексивності» / Віталій Георгійович Табачковський. – К. : Видавець ПАРАПАН, 2005. – 432 с.

3. Табачковський В. Г. Філософсько-антропологічне питання про сутність людини у координатах постмодерну / Віталій Георгійович Табачковський // Колізії антропологічного розмислу. – К.: ПАРАПАН, 2002. – С. 5–39.

4. Грані людського буття: позитивні та негативні виміри антропокультурного / Андрос Є. І., Шалашенко Г. І., Загороднюк В. П. [та ін.]. – Київ : Наукова думка, 2010. – 352 с.

5. Морен Э. Утраченная парадигма: природа человека (отрывки из книги) / Э. Морен // Философская и социологическая мысль. – 1995. – № 5–6. – С. 90–109.

6. Людина в есенційних та екзистенційних вимірах / В. Г. Табачковський, А. М. Дондюк, Г. І. Шалашенко [та ін.]. – НАН України. Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди. – К. : Наукова думка, 2004. – 246 с.

7. Кримський С. Б. Під сигнатурою Софії. – К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 367 с.